

Развитие Дальнего Востока
и китайско-российские
отношения:
новое видение
и новые подходы

Фэн Шаолэй, Цуй Хэн

Об авторах

Фэн Шаолэй

Директор Центра по изучению России Восточно-китайского педагогического университета

Цуй Хэн

Докторант Центра по изучению России Восточно-китайского педагогического университета

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Краткое содержание

Развитие российского Дальнего Востока и Сибири стало важным шагом государственного строительства для России. Хотя ведутся дебаты о надлежащей идеологии и политике, развитие огромного приграничного региона и углубление отношений со странами Азии стало твёрдым и неизменным приоритетом в российской внешней политике. Китайско-российское сотрудничество в приграничье на ранних этапах развития Дальневосточного региона во времена Российской империи имеет большую важность современного двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке. Практика сотрудничества Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока в 2009–2018 гг. свидетельствует о большом потенциале двустороннего взаимодействия на Дальнем Востоке и будет иметь последствия для дальнейшей кооперации. В рамках «сопряжения» Китай и Россия пытаются выработать более действенную и устойчивую модель сотрудничества. Вместе с тем важно также преодолевать такие проблемы, как низкий уровень взаимного доверия в деловом сообществе, недостаточная открытость рынков и некоторые другие.

Россия целое столетие мечтает о развитии огромных по площади целинных земель на Дальнем Востоке и в Сибири. Исследовав Дальний Восток, российский мыслитель эпохи Просвещения Михаил Ломоносов пришёл к выводу, что сила государства российского – в развитии Сибири и Дальнего Востока. Идеи Ломоносова были восприняты российскими стратегами разных эпох, и постепенно в их отношении сформировался консенсус среди россиян. С началом третьего президентского срока Владимира Путина в 2012 г. для достижения стратегических целей объединения территорий, сбалансированного развития восточных и западных регионов страны и интеграции в быстрорастущий Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) российское правительство создало специализированные агентства, приняв новые законы и положения, чтобы ускорить процесс развития Дальнего Востока.

В ходе эксперимента, продлившегося несколько лет, были выполнены поставленные задачи, и регион вышел на траекторию стабильного развития. Такая стратегия развития в перспективе не только окажет долгосрочное влияние на внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию в России, но и будет играть активную роль в двусторонних российско-китайских отношениях и переформатировании регионального порядка. Мы предлагаем взглянуть на этот ключевой исторический процесс под другим углом, представляя мнения и дебаты в Китае относительно развития на Дальнем Востоке.

Развитие Дальнего Востока: более глубокое понимание России

После распада Советского Союза российский Дальний Восток не смог реализовать свою геополитическую значимость и экономическую ценность, несмотря на огромные территории и обильные природные ресурсы. Напротив, крах советской производственной системы привёл к серьёзным социально-экономическим проблемам, включая деградацию региона до уровня ресурсной экономики и внутреннюю эмиграцию населения с Дальнего Востока в европейскую часть России. На какое-то время Дальний Восток стал тяжким бременем для России, не позволяя ей реализовать свои «великодержавные» амбиции и затрудняя процесс государственного строительства в постсоветский период. Это имело конкретные последствия.

Во-первых, отсутствие у дальневосточной экономики возможностей самовосстановления увеличивает давление на федеральный бюджет. Советский Союз встроил Дальний Восток в советскую государственную экономическую модель индустриализации. В течение короткого времени централизованное советское правительство сумело завершить переход от сельскохозяйственной к индустриальной экономике, благодаря централизованному планированию. Однако после распада Советского Союза Дальневосточный регион утратил способность к саморазвитию и самовосстановлению как раз потому, что в советском хозяйстве ресурсы и капитал выделялись в рамках системы централизованного планирования.

В этом контексте Дальний Восток испытывает серьёзные экономические затруднения и нехватку необходимых товаров. Американские исследователи придумали для этого явления особый термин: «сибирское проклятие». Для сохранения функциональной социально-экономической жизни на Дальнем Востоке из российского бюджета ежегодно выделяется свыше 300 млрд руб. В то же время Дальний Восток давно страдает от монолитной рыночной структуры, большой зависимости от сырьевых товаров, низких доходов регионального бюджета, слабого притока иностранных инвестиций и ограниченного влияния на российскую экономику. В 2011 г. Дальний Восток привлёк всего 2% всех российских инвестиций. В целом вклад Дальнего Востока в российскую экономику значительно ниже вклада федерального правительства в Дальний Восток¹.

¹ Мереминская Е. Как государство привлекает деньги на Дальний Восток и почему это не всегда удаётся? // Ведомости. 2017. 4 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/09/04/732285-gosudarstvo-privlekaet-dengi#/partner/articles/2017/09/04/732285-gosudarstvo-privlekaet-dengi#!%23>

Во-вторых, большой разрыв в качестве жизни между Дальним Востоком и европейской частью России негативно влияет на демографию и социально-психологическую устойчивость жителей Дальнего Востока и Сибири. Российские федеральные элиты давно считают Дальний Восток «внутренним сибирским фронтом» или «приграничным районом». Жители этих регионов исторически были недовольны отсутствием поддержки со стороны федерального центра. Общее мнение о «китайской угрозе» в этом регионе во многом подстёгивается экономическими и психологическими реалиями². В результате жители Дальнего Востока предпочитают голосовать ногами, переезжая в европейскую часть России, куда государство инвестирует больше средств. Подобная утечка мозгов мешает в полной мере раскрыть экономический потенциал Дальнего Востока.

В-третьих, экономический упадок на Дальнем Востоке препятствует формированию целостного пространства российской экономики. Российский Дальний Восток, переживающий сильный экономический спад после распада Советского Союза, граничит с Восточной Азией – регионом с бурно развивающейся экономикой. В отсутствии эффективных мер государственного экономического регулирования дальневосточная экономика всё больше зависит от восточноазиатских стран. Тем временем европейская Россия развивала глубокое и масштабное экономическое сотрудничество с ЕС. Таким образом, в постсоветской России одновременно и в противоположных направлениях развивались два региональных интеграционных процесса. Подобная разнонаправленная интеграция разрушительна для формирования целостного российского экономического пространства.

Российские элиты осознают, какое негативное влияние оказывает медленное социально-экономическое развитие Дальнего Востока на государственное строительство и безопасность восточной части России. Поэтому с 2011 г. возрождение и активное развитие Дальнего Востока и Сибири стало горячей темой, привлёкшей внимание российской элиты. После того, как Путин занял президентский пост в 2012 г., он поставил задачу развития Дальнего Востока одним из главных приоритетов. С тех пор, хотя дебаты представителей элиты на эту тему не прекращаются, Россия подняла значимость развития Дальнего Востока и Сибири до уровня национальной стратегии вследствие кризиса на Украине. Теперь Дальний Восток и Сибирь больше не рассматриваются как стратегический внутренний фронт борьбы с Западом. Вместо этого российская элита считает развитие Дальнего Востока необходимым условием сохранения внутренней стабильности и повышения конкурентоспособности России на мировой арене. Лишь когда оба фланга евразийского пространства будут по-настоящему сбалансированы, Россия сможет претендовать на статус современной мировой державы.

² 米纳基尔: «俄罗斯与中国在远东: 臆造的恐惧与现实威胁»

Дальний Восток и Сибирь в быстро меняющемся мире

Значимость освоения Дальнего Востока выходит далеко за рамки внутреннего развития какой-то одной страны. Скорее, оно тесно связано с общей тенденцией мирового развития. Глобализация стала действительно всеобщим явлением после глобального финансового кризиса 2008 г. Эта новая стадия развития характеризуется рядом ключевых тенденций. Прежде всего, АТР становится всё более значимым в мировой политической экономике – его многообразие постепенно будет становиться сопоставимым с многообразием Евроатлантического региона. Кроме того, после кризиса 2008 г. во многих странах усилилось государственное вмешательство в национальную экономику. Среди них страны Азии, включая Китай, которые добились сравнительно хороших результатов, благодаря регулированию экономики и государственному управлению. Подобное государственное вмешательство осуществлялось отнюдь не из идеологических соображений. Эта политика была продиктована логикой развития. Опыт стран Азии, включая Китай, весьма актуален для России в контексте развития Дальнего Востока и Сибири. Главный приоритет для России – воспользоваться возможностями бурно развивающейся Азии и предложить эффективную модель развития Дальнего Востока, которая будет опираться на поддержку со стороны федерального центра (сверху вниз), а также общества и элит (снизу вверх).

Развитие Дальнего Востока включает нечто гораздо большее, чем использование ресурсов и пространства, и даже больше принципа взаимодополняемости тенденции роста в Восточной Азии и изобилия природных ресурсов на Дальнем Востоке и в Сибири. На развитие Дальнего Востока также влияет неопределённое будущее глобализации и поддержка изоляционизма в некоторых странах. На этом фоне Китай и Россия неизбежно поддерживают друг друга в государственном строительстве и обеспечении большей открытости в отношении соседних стран и регионов, исследуя возможные направления новых видов глобализации и их последствия. Все эти усилия со стороны Китая и России направлены на решение глобальных и фундаментальных проблем.

Наиболее вероятное направление будущей глобализации будет иметь следующие особенности. Она будет исходить из местных условий в каждом регионе и расстановки сил крупных держав. Она будет отличаться многообразием путей, моделей и направлений развития. Для будущей глобализации будут характерны сбалансированные отношения между рынком, окружающей

средой и природными ресурсами, при этом будет учитываться как масштаб, так и эффективность. Это будет модель, ориентированная на устойчивое развитие – в частности на потенциально более активную роль развивающихся стран. С 2000 г. им удаётся поддерживать высокие темпы роста на фоне замедляющихся темпов развития мировой экономики. В 2015 и 2016 гг. темпы роста ВВП развивающихся экономик достигли 4,3%, а в 2017 г. их рост ускорился до 5,2%. По мере того, как доля развивающихся стран в мировой экономике растёт, увеличивается и их способность обеспечивать общественные блага в глобальном масштабе. В результате многие страны принимают предложения регионального сотрудничества, выдвигаемые быстроразвивающимися государствами, и присоединяются к их инициативам.

Такая модель нового рода глобализации, то есть процесс налаживания открытых коммуникаций и взаимосвязей при усилении государственного строительства, будет во многом зависеть от создания и поддержания механизмов регионального сотрудничества и развития. В частности, в условиях фундаментальной перестройки имеющихся региональных структур развивающимися экономиками у них формируется совершенно иной исторический опыт и новые представления о том, как создавать новые структуры взамен старых.

В этой связи возникает ряд вопросов. Во-первых, можно ли добиться качественного перехода от старых устоявшихся структур к новым. Очевидно, что сегодня нет условий для революционного подхода к осуществлению такого перехода. Во-вторых, должен ли такой переход регулироваться посредством конфликтов и особенно гегемонистского соперничества между крупными державами. Реальность такова, что в истории не было настоящих примеров для реализации концепции «ловушки Фукидида». Мир настолько велик, что пересмотр баланса сил и интересов может происходить и бесконфликтными методами.

В-третьих, возможно ли возвращение к «ялтинской модели», то есть реализовать переход в опоре на традиционные инструменты геополитики и посредством раздела сфер влияния. Усиление быстрорастущих экономик и, в частности, возрождение интереса к вестфальскому принципу уважения суверенитета в современном мире, в том числе и в традиционных демократиях, означает, что простой «возврат к Ялте» невозможен.

В-четвёртых, возможно ли ответить на вызов в виде усиления растущих «молодых» держав за пределами Европы и западного мира так же, как Европейские сообщества и Европейский союз решили проблему «усиливающейся Германии». Хотя из этого исторического опыта можно определённо вынести ценные уроки, надгосударственная интеграция и отказ от национального суверенитета в пользу надгосударственных коллективных структур уже

столкнулись с резкой критикой, приведя к соответствующим политическим последствиям. Кроме того, поскольку нынешние быстрорастущие экономики по-прежнему в значительной мере опираются на суверенитет и делают акцент на государственном строительстве, не вполне уместно решать сложные проблемы региональной и глобальной перестройки посредством простого применения данного подхода.

В этих обстоятельствах «дух Шанхая», которым руководствуется Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и который подразумевает такие принципы, как взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение к культурному многообразию и стремление к общему развитию, — это новый опыт интеграции. Ключевая задача ШОС — сопряжение китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) с российской инициативой формирования партнёрства Большой Евразии. Более того, развитие Дальнего Востока и Сибири в таком международном контексте становится важным аспектом этого значимого исторического эксперимента.

Развитие Дальнего Востока: перерождение государства и продвижение к Великому океану

Для России развитие Сибири и Дальнего Востока означает придание новых импульсов как национальной экономике, так и выстраиванию отношений с АТР. С точки зрения российских элит, России давно пора начать деятельное участие в азиатской политике, поскольку появление новых возможностей и новых принципов взаимодействия в АТР делает участие России в этом регионе возможным и необходимым.

Во-первых, АТР и особенно Северо-Восточная Азия (СВА) переживает фундаментальные перемены. С одной стороны, движение в сторону многополярного мира и многообразия означает сильную встряску для традиционной гегемонии и устаревших форм военно-идеологических союзов. Разработанная наряду с недавно появившимися возможностями в разрешении корейской ядерной проблемы дорожная карта «трёх шагов», отстаиваемая Китаем и Россией, постепенно реализуется. Независимо от перспектив

урегулирования нового витка ядерного кризиса на Корейском полуострове, эта дорожная карта свидетельствует о твёрдой приверженности принципу сотрудничества со стороны развивающихся стран и других участников этого процесса. Она также подразумевает, что только открытость, а не закрытость, только мир, а не конфронтация и конфликты могут принести региону согласие и гармонию. Это важная перемена, имеющая непосредственное отношение к Дальнему Востоку и Сибири.

Во-вторых, будущие экономические перспективы АТР, включая Россию, всё больше зависят от того, смогут ли российский Дальний Восток и Сибирь успешно дополнять экономику всего региона в долгосрочной перспективе. Растущее многообразие путей развития в АТР означает увеличение возможностей для перенимания передового опыта. Следует отметить, что новаторские усилия по развитию Дальнего Востока и Сибири также привлекли всеобщее внимание. Возможности, которые открывает новая технологическая революция, особенно спрос на чистую экологию, освоение новых территорий, природные ресурсы и т. д., отражают большие надежды, которые страны региона возлагают на развитие российского Дальнего Востока и Сибири.

В-третьих, меняющиеся условия в соседних с Россией регионах подталкивают Россию к повороту на Восток в своей внешней политике. Подобный поворот происходит прежде всего потому, что России нужна «подушка безопасности» и в то же время прорыв в отношениях с Востоком и АТР, чтобы уравновесить её региональные конфликты на Западе. Более того, поскольку у России сохраняются стратегические интересы в АТР, у неё всё ещё имеется поле для дальнейшего внешнеполитического маневрирования путём укрепления связей с Восточной и Юго-Восточной Азией. Аналогичным образом трёхстороннее взаимодействие Китая, Россия и США также сохраняет значимость для политического развития Восточной Азии. Таким образом у России имеется обширное пространство для дипломатических и политических манёвров.

В этих условиях Россия скорректировала свой подход к региональному развитию, содействуя открытости Дальнего Востока и Сибири, а также облегчая взаимодействие между странами Восточной Азии в развитии Дальнего Востока.

Во-первых, Россия осознала отсутствие необходимости дублировать производящие мощности, в которых страны Восточной Азии конкурентоспособны. Продолжая индустриализацию в азиатской части, Россия должна стремиться разрабатывать такую высокотехнологичную продукцию, в которой у Дальнего Востока и Сибири может быть конкурентное

преимущество. Эта продукция должна соответствовать уровню развития России: речь идёт о высоких технологиях, передовом земледелии, деревообрабатывающей промышленности, электроэнергетике и т. д. России также нужно наращивать эффективность использования природных ресурсов и выводить её на новый уровень. В этом случае Россия сможет осуществить экономическую перестройку и оптимизировать структуру национальной промышленности, тогда как страны Восточной Азии могут также получать из России продукцию и природные ресурсы, необходимые им для внутреннего развития.

Во-вторых, на новом этапе регионально ориентированной глобализации отдалённые приграничные районы России больше не являются барьером для государственного строительства, а скорее представляют потенциал для национального политического и экономического возрождения. России следует максимально увеличить степень открытости Дальнего Востока и Сибири, отказаться от устаревшей концепции в восприятии этого региона как «стратегических задворков» в конкурентной борьбе с Западом или «стратегического рубежа» в конфронтации с Китаем. В конкретном политическом взаимодействии мы стали свидетелями растущей открытости России в её отношении к китайской инициативе ОПОП. Помимо соглашения о стратегической координации, подписанного лидерами двух стран в 2015 г., предложенная в 2017 г. концепция «Ледяного Шёлкового пути» ещё больше интегрирует береговую линию Дальнего Востока и Сибири в стратегическую платформу координации развития. В 2018 г. в совместном коммюнике ШОС снова была выражена поддержка китайской инициативе ОПОП со стороны организации. Все эти меры говорят о том, что Россия шаг за шагом принимает предложенный Китаем проект.

В-третьих, развитие Дальнего Востока не только обеспечивает возможности для работы и достойных жилищных условий для местной молодёжи, стимулируя её оставаться в родных местах вместо эмиграции на Восток или в европейскую часть России, но и способствует появлению предпринимателей нового типа, таких как Михаил Прохоров, когда для этого появляются подходящие условия. Наряду с расширением экономических возможностей Дальнего Востока, развитие этих территорий также сделает данный регион более привлекательным для трудовых мигрантов из соседних регионов, в том числе из Северной Кореи. Согласно статистике, большая часть из 30 тыс. северокорейских рабочих, эмигрировавших в Россию, трудится на Дальнем Востоке. Россия всё больше осознаёт необходимость более активного вовлечения Южной и Северной Кореи в развитие своего Дальнего Востока. В этом смысле освоение данного региона может обеспечить определённую свободу манёвра и тем самым ускорить мирный процесс на Корейском полуострове с целью разрешения корейской ядерной проблемы.

Исторический опыт и эволюция восприятия Китаем перспектив развития Дальнего Востока

Восприятие Китаем перспектив развития Дальнего Востока значительно эволюционировало на протяжении истории с учётом различных факторов. Во-первых, речь идёт о восприятии различных исторических вопросов. После того, как Российская империя приобрела территорию Дальнего Востока, она начала осваивать целинные земли и провела предварительное исследование и разведку на Дальнем Востоке. Эти усилия предпринимались наряду с установлением и корректировкой экономических отношений с Китаем (императорской династией Цин). Айгунский договор между Китаем и Россией и Пекинская конвенция 1860 г. содействовали китайско-российской приграничной торговле. Эти два договора ознаменовали открытие сухопутного маршрута свободной торговли вдоль китайско-российской границы на Дальнем Востоке. Согласно этим договорам, жители двух стран имели сравнительно равные права на торговлю. Для расширения экономических связей с соседними странами, а также обеспечения поставок продовольствия и вооружений для первого поколения эмигрантов на Дальнем Востоке царская Россия утвердила «Правила сухопутной торговли между Китаем и Россией» в 1862 г., установила зоны свободной торговли в восточном приграничном регионе на границе с Китаем, а также превратила все порты на тихоокеанской береговой линии в свободные порты. После длительного периода развития, примерно в конце XIX в., китайско-российская граница и свободные порты стали самыми густонаселёнными и быстроразвивающимися регионами и городами на этой территории.

На протяжении всей истории развития Дальнего Востока нехватка трудовых ресурсов всегда была серьёзной проблемой, особенно на раннем этапе, когда инфраструктурные проекты крайне нуждались в рабочих руках. Эта проблема долгое время ограничивала возможности развития Дальнего Востока. Россия исторически проводила политику внутренней трудовой миграции и открытости для привлечения рабочих мигрантов. Российские власти стимулировали миграцию трудовых ресурсов из европейской части России и из-за границы на Дальний Восток. Внутренних трудовых ресурсов всегда оказывалось недостаточно для освоения и исследования целинных земель. Поэтому иностранная рабочая сила, особенно китайская, была локомотивом на заре истории развития Дальнего Востока.

Поскольку китайцы были трудолюбивыми, дисциплинированными, недорогими работниками, немало китайских трудовых мигрантов использовались российскими государственными ведомствами, отвечавшими за создание инфраструктуры (строительство дорог, Транссибирской железнодорожной магистрали, портов) и добычу золота в качестве неквалифицированной рабочей силы. Китайцев также привлекали к работе структуры военно-морского флота, сухопутных войск, министерство внутренних дел и др. Что касается сельского хозяйства, то китайцы и корейцы были главными поставщиками продовольствия. Они импортировали необрушенный рис, просо, кукурузу, овощи, а также внедрились пивоварение на Дальнем Востоке. Таким образом, они не только помогали решить проблему нехватки продовольствия для гражданских лиц и военных, но и знакомили местное население с технологиями земледелия и освоения земель³.

В ретроспективе нетрудно увидеть, какую важную роль играли китайцы на первых этапах освоения Дальнего Востока во времена Российской империи. Китайские иммигранты поначалу обеспечивали первые промыслы на Дальнем Востоке рабочими руками, восполняя нехватку мигрантов из европейской России. По сравнению с «гипотетическими» мигрантами из российских европейских районов китайские мигранты отличались большим энтузиазмом и рвением в работе. Кроме того, Китай также оказывался главным рынком экспорта из европейской России – текстиля, металлических и скобяных изделий, керосина, спичек – и дальневосточных товаров, таких как меха, олений рог и морепродукты.

Ни одна дискуссия об истории Дальнего Востока не может обойти вопрос территориальных споров. Китай и Россия подписали в 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а в 2004 г. – Дополнительное соглашение о российско-китайской межгосударственной границе на её восточной части. В этих двух документах отражена демаркация всех участков границы между двумя странами. Не вызывает сомнений, что в таких деликатных вопросах, как территориальные споры, Китай и Россия уважают статус-кво, в недавнем прошлом урегулировав территориальные споры, которые однажды поставили две страны на грань войны. Они были разрешены прагматически на основе принципов равноправия и взаимного уважения. Подобная практика заложила прочный фундамент для будущего развития всеобъемлющего двустороннего стратегического партнёрства.

Во-вторых, речь идёт о понимании нынешнего этапа развития российского Дальнего Востока. Китайское правительство и интеллектуалы признают и хорошо понимают, что развитие Дальнего Востока – это проект века,

³ 南慧英: «19世纪末20世纪初俄国远东经济发展中的亚洲移民——以中国人和朝鲜人为例», 《北方论丛》, 2015年第5期。

имеющий долгосрочное стратегическое значение для России и большую ценность для реализации концепции «великой России» президента Путина. И официальные, и научные круги в Китае убеждены, что Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. — это масштабная программа развития Дальнего Востока. Она была принята российскими властями в 2013 г. Ключевые политические постулаты этого документа можно обобщить следующим образом: мыслить глобально, в полной мере использовать географические преимущества и богатые природные ресурсы региона, ускорить интеграцию России в АТР посредством развития новой экономики и реализации принципа открытости, обеспечить диверсификацию российского экспортного рынка, не допускать снижения экономического и политического влияния государства на Дальнем Востоке, предотвратить дальнейшее сокращение численности населения в этом регионе и, наконец, продвигать геополитические и экономические интересы России.

Китайские СМИ постоянно и широко освещают практическую реализацию стратегии развития Дальнего Востока. Они пишут о достижении прорыва в использовании политических инструментов, некоторые из которых, такие как институциональные новшества, следует перенять соседним странам. Эта политика и инновационные новшества включают в себя следующие моменты. Для преодоления существующих бюрократических барьеров, а также горизонтальной и вертикальной разрозненности при принятии решений российское правительство готово предпринять дополнительные усилия с целью перестройки нынешних институтов управления экономикой региона.

В частности, было создано министерство по развитию российского Дальнего Востока, которому поручено координировать реализацию государственных планов и федеральных целей в этом регионе. Российские власти также создали АО «Корпорация развития Дальнего Востока» (КРДВ), которая будет нести ответственность за строительство портов, дорог, телекоммуникаций, аэропортов, создание местных авиалиний и использование природных ресурсов. Помимо этого российское государство использует комплексный инструмент территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРов) и Свободного порта Владивосток (СПВ) для улучшения инвестиционного климата на Дальнем Востоке и трансформации его экономической модели развития.

Подобные инновационные механизмы отражают повышенное внимание принципу взаимного дополнения в строительстве инфраструктуры и разведке природных ресурсов. При этом одновременная модернизация Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиба), строительство транспортной сети и морских портов в Приморье свидетельствует о том,

что Дальний Восток призван выполнять две основные функции: содействие внутреннему развитию приграничных областей и выполнение функции морского транспортного узла.

Китайские СМИ также в полной мере сознают, что освоение Дальнего Востока создаёт новую платформу для реализации китайско-российских стратегических целей в торгово-экономическом сотрудничестве. Стратегия развития Дальнего Востока переключается с китайской стратегией обновления Северо-Восточного Китая и инициативой по созданию Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП). Строительство Евразийского транспортного коридора, прокладывание Северного пути и Евразийская телекоммуникационная сеть одновременно являются сердцевинной планой обеспечения взаимосвязанности в рамках ОПОП и приоритетом в развитии Дальнего Востока.

В результате переговоров в 2015 г. Китай и Россия выпустили совместное заявление о сопряжении ЭПШП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), объявив об усилении региональной экономической интеграции. В этом отношении развитие Дальнего Востока может служить плацдармом для реализации стратегического сопряжения развития двух стран. Посредством активного участия в освоении Дальнего Востока Китай может углубить двустороннее торгово-экономическое сотрудничество с Россией и получить дополнительные выгоды при реализации своей инициативы ЭПШП.

В-третьих, что касается отношений России со странами Азии, то китайские официальные и научные круги спокойно воспринимают сотрудничество России с Японией и Южной Кореей. Россия – ближайший стратегический партнёр Китая, а Япония является его близким с географической точки зрения соседом. В целом Китай приветствует улучшение российско-японских отношений, полагая, что оно благотворно скажется в целом на ситуации в Восточной Азии. Китай также приобретёт больше возможностей от такой положительной динамики, в том числе сможет углубить многостороннее экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке. Это не означает, что Россия или Япония дистанцируются от других стран Восточной Азии. Напротив, эта позитивная динамика содействует развитию отношений между крупными региональными державами, включая Китай и Россию.

В-четвёртых, речь идёт о практике китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке. После распада СССР китайско-российское взаимодействие на Дальнем Востоке прошло через стадию «спонтанного» взаимодействия, затем вышло на траекторию активного двустороннего сотрудничества приграничных регионов, а в последнее время достигло уровня стратегического сопряжения.

Первый этап: «спонтанное» взаимодействие на основе приграничной торговли

После распада Советского Союза экономика Дальнего Востока деградировала до такой степени, что местные жители вынуждены были ориентироваться на торгово-экономическое сотрудничество с соседними странами. В этих условиях на российском Дальнем Востоке появилось большое число торговцев из Китая.

С 1992 по 1993 гг. торговый оборот между Дальним Востоком и провинцией Хэйлунцзян в Китае составил \$2,1 млрд. В 1993 г. торговля с Китаем формировала 90% всего внешнеторгового оборота Дальнего Востока. С 1992 по 1994 гг. эта доля достигала 50% внешней торговли Хабаровского и Приморского краёв. В этот период Дальний Восток пережил краткосрочную «китайскую сенсацию»⁴. Появление китайцев отвечало первостепенным жизненным потребностям жителей Дальнего Востока, сыграв важную роль в стабилизации дальневосточного общества. С 1990-х гг. ежегодный приток трудовых ресурсов из Китая вырос с 10 до 20 тыс. человек. С начала нового столетия число китайских трудовых мигрантов на Дальнем Востоке установилось на уровне 30–40 тыс. человек.

Поскольку российский Дальний Восток по-прежнему борется с тяжёлой демографической ситуацией и нехваткой кадров, трудовая миграция из Китая также помогла восполнить дефицит рабочих рук на современном Дальнем Востоке. В частности, труд китайских мигрантов занимает важное место в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, эксплуатация энергоресурсов и т.д. Приток китайских мигрантов также позволяет обеспечить поставки китайских продуктов для удовлетворения потребностей местных жителей. В этот период приграничная торговля стала основной формой экономического взаимодействия между Китаем и Россией на Дальнем Востоке. Большое количество торговцев начинало с приграничной торговли товарами ежедневного использования, иногда в виде бартера ввиду нехватки валюты. В целом китайско-российская приграничная торговля сыграла позитивную роль в ранний постсоветский период, когда большие поставки

⁴ Ларин В. Л., Ларина Л. Л. *Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 32.*

товаров повседневного спроса китайскими торговцами облегчали тяжёлые условия жизни людей на Дальнем Востоке.

Однако экономическое взаимодействие Китая и России на Дальнем Востоке осуществлялось преимущественно снизу вверх, тогда как правительства двух стран не имели каких-либо механизмов регулирования и контроля в развитии «спонтанной» трансграничной торговли, что приводило к некоторым негативным последствиям для её участников. Средства массовой информации раздували некоторые случаи неприглядного поведения торговцев из обеих стран, формируя их негативный имидж. Этот негативный имидж ещё больше углубил стереотипы в отношении «торгашей» у широкой общественности двух стран, тем самым повлияв на первом этапе на восприятие русскими китайцев, а китайцами русских. Это пагубное влияние даёт о себе знать до сих пор и в определённой степени является причиной низкого уровня взаимного доверия между китайскими и российскими бизнесменами.

Второй этап: сотрудничество соседних регионов

Для координации стратегических планов регионального развития двух стран («Программы по возрождению районов Северо-Востока Китая» и государственной программы России «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2013 года») Китай и Россия с 2009 г. начали реализацию «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)» («Программа сотрудничества»). Правительства двух стран начали содействовать развитию Дальнего Востока через сотрудничество между приграничными областями, тем самым начав второй этап двустороннего сотрудничества.

Для этого этапа характерно прямое участие двух правительств и инвестирование в крупномасштабные проекты в качестве главной формы вовлечённости Китая в развитии Дальнего Востока. Изначальное намерение организаторов этого двустороннего регионального сотрудничества состояло в том, чтобы в полной мере воспользоваться географической близостью и тесными экономическими связями между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком для ускорения регионального социально-

экономического развития, дальнейшего укрепления экономических связей между двумя странами и развития фундамента двусторонних отношений.

В 2009 г., когда началась реализация «Программы сотрудничества», все федеральные ведомства российского Дальнего Востока и Забайкальского края, трёх провинций Северо-Востока и автономного района Внутренней Монголии в Китае представили свои ключевые проекты для реализации в рамках этой программы. Изначально административные единицы обеих стран областного уровня подали заявки на 208 основных проектов, из которых 97 находятся в России и требуют инвестиций объёмом \$44,03 млрд, а 111 расположены в Китае и требуют приблизительно \$9,87 млрд. В списке предложенных проектов 70 связано со строительством трансграничной инфраструктуры и парка двустороннего китайско-российского сотрудничества. Из них 20 – это крупные международные проекты с участием Китая и России, в том числе проект моста Тунцзян через реку Амур. Другие 19 проектов находятся на российской стороне и требуют общих инвестиций порядка \$40 млрд. Остальные 31 располагаются на китайской стороне – преимущественно в провинции Хэйлуцзян и районе Внутренняя Монголия.

Несмотря на то, что лидеры и правительства двух стран прилагают колоссальные усилия для продвижения проектов сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком, их реализация пока не оправдывает в полной мере всех ожиданий. Предполагалось, что 104 крупных проекта с суммарными инвестициями в размере \$47,9 млрд должны были быть завершены к концу 2016 г. Однако в действительности было реализовано лишь 25 проектов с суммарными инвестициями \$11,77 млрд. Иными словами, процент успешных проектов составляет 28 %. В то же время из изначально запланированных для реализации на китайской стороне 111 проектов с суммарными инвестициями в размере \$9,87 млрд к концу 2016 г. только 42 из них общей стоимостью \$6,1 млрд были введены в эксплуатацию: таким образом, успешно реализовано 62 % проектов.

Беспокойство вызывает тот факт, что из всех проектов, запланированных на российской стороне, лишь восемь привлекли китайские инвестиции в размере \$1,77 млрд и только один из запланированных проектов на китайской стороне привлёк российские инвестиции в сумме \$0,63 млрд⁵. В действительности проекты, запланированные в рамках «Программы сотрудничества», преимущественно являются внутренними для каждой из сторон, тогда как проекты двустороннего сотрудничества на самом деле немногочисленны. Таким образом, реальность пока расходится с первоначальным намерением укреплять двусторонние экономические связи и основы для развития отношений через содействие подлинному двустороннему сотрудничеству.

⁵ Муратшина К. Г. Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417, с. 110–120.

Главная причина такого отклонения от плана заключается в расхождении между сторонами относительно реализации сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком. Китайские проекты, предложенные в 2009 г., делают упор на строительство инфраструктуры с прицелом на повышение возможностей импорта российского сырья, тогда как Россия больше внимания уделяет проектам, связанным с обрабатывающими отраслями промышленности. После того как проекты начали реализовываться, правительства двух стран осознали различия в менталитетах и подходах китайцев и россиян.

В 2011 г. государственный комитет по развитию и реформам Китая и Министерство экономического развития России задумались о внесении коррективов в проекты сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком. Однако стороны не пришли к консенсусу ввиду значительных расхождений в запросах и потребностях двух стран. Кроме того, внутренние рынки обоих государств параллельно переживали трансформации, а с учётом недостаточной открытости России и Китая углубление сотрудничества между ними было затруднено, что ещё больше ограничивало их участие в крупных проектах друг друга⁶.

Третий этап: стратегическое сопряжение

8 мая 2015 г. Китай и Россия опубликовали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП, достигнув широкого консенсуса о содействии региональному сотрудничеству. Стороны договорились о следующих приоритетах в сотрудничестве: расширение инвестиций и торговли, взаимное облегчение инвестиционного режима и возможностей для сотрудничества, реализация крупномасштабных инвестиционных проектов, создание совместных индустриальных парков и зон трансграничного экономического сотрудничества, улучшение материально-технического снабжения и транспортной инфраструктуры, а также

⁶ Гемуева К. Реалии экономического сотрудничества России и Китая – основания для оптимизма? // Российский совет по международным делам. 2017. 28 декабря. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realii-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-osnovaniya-dlya-optimizma>

комбинированного мультимодального транспорта и т. д. для реализации совместных инфраструктурных проектов.

28 октября 2015 г. российское правительство приняло Концепцию развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. В этом документе подробно изложены цели, задачи и меры, которые необходимо предпринять на Дальнем Востоке и в Забайкалье для осуществления межрегионального сотрудничества с Северо-Восточным Китаем. В нём также оговорено, что один из главных приоритетов России – содействие созданию международного транспортного коридора, его интеграция в транспортную сеть Северо-Восточной Азии, создание благоприятного делового и инвестиционного климата для стимулирования спроса на расширение трансграничного транспортного сообщения и развитие соответствующей транспортной инфраструктуры. В январе 2017 г. две страны договорились о создании межправительственной комиссии по сотрудничеству в рамках регулярных встреч премьер-министров Китая и России для координации и наращивания межрегионального сотрудничества двух стран.

Данный этап стратегического сопряжения отличается от «Программы сотрудничества» 2009 г. в том, что нынешнее двустороннее экономическое взаимодействие на российском Дальнем Востоке в большей степени соответствует безотлагательным потребностям двух стран. С 2015 г. Китай начал перестройку национальной промышленности в условиях уменьшения спроса на сырьё. Соответственно, Китай вступил в важную стадию экспорта производственных мощностей. По той же причине в стране появилась острая необходимость переноса производственных мощностей в соседние регионы.

В отличие от Китая Россия после экономического кризиса 2014–2016 гг. начала корректировать структуру внутренней промышленности. Опираясь на стратегию импортозамещения, Российское государство сделало главным приоритетом развитие производства на Дальнем Востоке и в Сибири, чтобы снизить зависимость экономики от сырьевых отраслей. Таким образом, в эпоху стратегического сопряжения потребности двух стран совпадают, что создаёт предпосылки для передового промышленного сотрудничества между Россией и Китаем на Дальнем Востоке.

На нынешнем этапе развития Дальнего Востока и более широкомасштабного сотрудничества в рамках инициативы ОПОП на первый план выходит развитие инфраструктуры и налаживание взаимосвязанности. Это сознательный выбор обеих стран. В процессе выстраивания стратегической

сопряжённости Китай и Россия отвергли модель рыночной интеграции, взяв за основу Евросоюзом, ввиду ограниченного объёма и структуры двусторонней торговли. Китайско-российская торговля стремительно растёт: в 2017 г. торговый оборот между двумя странами превысил \$80 млрд. Однако он значительно отстаёт от масштабов торговли Китая с США и ЕС. В структурном отношении торговля между Китаем и Россией преимущественно состоит из сырьевых товаров. Прямые двусторонние инвестиции и сотрудничество между малым и средним бизнесом двух стран также очень ограничены. При нынешнем масштабе и уровне торгово-экономического сотрудничества рыночная интеграция Китая и России невозможна в условиях нехватки необходимого персонала, капитала, масштабности рынка и объёма услуг.

Помимо этого, рыночная интеграция требует решения деликатных вопросов, связанных с частичной передачей суверенитета на наднациональный уровень, а это потребует долгих переговоров. По сравнению с таким подходом, развитие многоканальных связей – более прагматичная стратегия, позволяющая быстро продемонстрировать достижения сотрудничества, и к тому же она больше благоприятствует увеличению масштабов и уровня двусторонней торговли. Стоит также отметить, что на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) в сентябре 2017 г. президент Путин отдельно подчеркнул, что в предыдущие два года китайские инвестиции на Дальнем Востоке составили \$9 млрд или 80% всех иностранных инвестиций в данный регион.

Несмотря на то, что нашей задачей является изучение потенциала китайско-российского сотрудничества в развитии Дальнего Востока, следует также понимать, что это длительный процесс, и предстоит ещё преодолеть множество сохраняющихся барьеров для более активного участия в нём Китая. Во-первых, это отсутствие взаимопонимания между деловым сообществом Китая и России, а также низкий уровень взаимного доверия между китайскими и российскими предпринимателями, что может парализовать дальнейшее расширение сотрудничества между ними. Согласно статистическим данным, предоставленным компанией SPARK, острый экономический кризис в России с 2014 по 2016 гг. практически не оказал влияния на рост числа китайских предприятий на российской территории. В 2013 г. в России действовало 378 зарегистрированных китайских предприятий, в 2015 г. их было уже 693, а в 2017 г. – 702. Следовательно, макроэкономическая ситуация не является главным фактором, сдерживающим вхождение китайских предприятий на российский рынок. Гораздо более важным барьером, препятствующим развитию двустороннего сотрудничества, является низкий уровень взаимного доверия на микроэкономическом уровне.

Центр российских исследований при Педагогическом университете Восточного Китая провёл в марте 2016 г. и в ноябре 2017 г. два крупномасштабных практических исследования предприятий экономического пояса вдоль реки Янцзы, ведущих торговлю с Россией и инвестирующих в российскую экономику. Итоги этих исследований также подтвердили факт низкого уровня доверия китайских предпринимателей российским партнёрам. Правительства двух стран признали наличие этих проблем и предприняли активные меры для решения сложившейся ситуации. В ноябре 2018 г. Министерство по развитию Дальнего Востока России провело День китайских инвесторов с целью содействия прямому диалогу и обмену между предпринимателями обеих стран.

Во-вторых, это необходимость большей открытости китайского и российского рынков в отношении друг друга. Реализация «Программы сотрудничества» отражает проблему закрытости двух рынков по отношению друг к другу. С учётом насыщенности инвестиционного и торгово-экономического рынков правительствам Китая и России необходимо удвоить усилия по наращиванию открытости. Хотя число зарегистрированных в России китайских предприятий растёт в последние годы, число китайских предприятий, зарегистрированных на Дальнем Востоке, демонстрирует отрицательную динамику. В 2014 г. на Дальнем Востоке в общей сложности было зарегистрировано 90 китайских физических и юридических лиц, в 2015 г. – 162, в 2016 г. – 124, в 2017 г. – 125. Безусловно, Дальний Восток представляет собой малонаселённый регион с ограниченной ёмкостью рынка, однако низкий уровень его открытости остаётся главным сдерживающим фактором.

Ещё более существенной проблемой является то, что не все виды сельскохозяйственных и мясных товаров, а также продукции водоёмких отраслей, имеющие сравнительные конкурентные преимущества на Дальнем Востоке, могут выйти на китайский рынок, а китайские компании не могут получить доступ в сектор перерабатывающей промышленности (например, продажа готовых изделий в российской энергетике). Китайское и российское правительства используют различные институциональные нововведения для увеличения открытости рынков. Например, в феврале 2018 г. заместитель премьер-министра России и полномочный представитель Президента в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев в ходе встречи с китайским вице-премьером Ван Яном выдвинул идею новой трансграничной зоны опережающего развития. Создание предложенной зоны предполагается между посёлком Пограничный в Приморском крае (Россия) и городским уездом Суйфыньхэ провинции Хэйлунцзян (Китай). В этой зоне китайские и российские компании будут иметь право реализовывать свою продукцию без всяких ограничений.

Заключение

Развитие российского Дальнего Востока и Сибири – важный и чрезвычайно актуальный шаг для государственного строительства России. Хотя это долгосрочное стратегическое сотрудничество, и трудно ожидать крупномасштабного прорыва в короткие сроки, развитие масштабной территории на восточных границах и интенсификация отношений со странами Азии – это решительная, осознанная цель России. В рамках стратегического сопряжения у Китая и России есть перспективное будущее в контексте сотрудничества на Дальнем Востоке, и Китай также пытается выработать более действенный подход к участию в этом процессе. В будущем двум странам необходимо прилагать больше усилий в следующих областях.

Необходимо лучше оценивать перспективы существующих проектов сотрудничества, придавая больше значения их практической реализации. Правительства и научные круги двух стран должны совместно изучать глубинные причины возникновения трудностей в установлении связей между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком, чтобы затем искать приемлемые решения. В феврале 2018 г. Юрий Трутнев встретился с китайским вице-премьером Ван Яном в Харбине и предложил создать совместную китайско-российскую рабочую группу на Дальнем Востоке для разработки нового плана сотрудничества Китая и России на Дальнем Востоке. Этот план разъяснит цели в торговом и инвестиционном сотрудничестве, акцентируя внимание на чётко определённых сферах ответственности и сроках реализации каждого проекта. Это говорит о том, что китайское и российское правительства осознают проблему и совместно трудятся над повышением качества и эффективности китайско-российского взаимодействия на Дальнем Востоке.

Финансовое сотрудничество, вероятно, является самым важным фактором в совместном освоении Китаем и Россией Дальнего Востока. Предприятия обеих стран сталкиваются с трудностями финансирования. В частности, инфраструктурные проекты требуют огромных инвестиций, которые долго не приносят отдачу: это означает более строгие требования к финансированию. В отсутствие надёжных источников инвестирования было бы крайне трудно углублять сотрудничество в таких проектах. В июне 2018 г. лидеры двух стран подписали совместную китайско-российскую декларацию, предложив укреплять двустороннее финансовое сотрудничество и повышать

долю национальных валют в торговле и инвестициях. Предполагается, что эти меры помогут амортизировать колебания валютного курса, представляющие угрозу стабильности двустороннего сотрудничества.

Помимо экономического и торгового сотрудничества Китаю и России следует уделять больше внимания повышению качества культурного взаимодействия. До настоящего времени связь между Китаем и Россией в сфере образования, культуры и гуманитарных контактов играла важную роль, содействуя взаимопониманию двух народов. В будущем следует уделять больше внимания культурному сотрудничеству, которое играет важную роль в улучшении имиджа двух стран и их взаимного восприятия друг друга, а также в укреплении взаимного доверия между двумя народами. В частности, следует предпринимать меры для более глубокого взаимодействия между предпринимателями и исследовательскими центрами двух стран, чтобы в ходе их непрерывного диалога повышалось взаимное доверие между деловыми сообществами, а также поднимались вопросы, вызывающие взаимную озабоченность, которые затем следует разрешать совместными усилиями официальных и научных кругов России и Китая.

С марта 2017 г. российские власти ввели электронные визы в СПВ, что значительно облегчило китайским бизнесменам въезд в Россию и выезд из неё. Согласно данным, предоставленным правительством Приморского края, до 29 декабря 2017 г. электронные визы были выданы 6134 иностранцам. Китайцы проявили огромный интерес к электронным визам, подав 2388 заявок. В будущем, когда политика электронных виз во Владивостоке заработает в полную силу, России следует распространить эту практику на всю территорию Дальнего Востока и Сибири.

Для России развитие Дальнего Востока – это беспрецедентный процесс укрепления государственного строительства. Поборники либеральных взглядов выступают за снижение государственного регулирования экономики, чрезмерно подчёркивая важность независимости рынка. Подобное мышление и подход не пригодны для развития Дальневосточного региона России ввиду неразвитой инфраструктуры, нехватки капитала и низкой плотности населения. Аналогичную точку зрения разделяют видные американские эксперты Клиффорд Гэдди и Фиона Хилл в своей книге «Сибирское проклятие» (Siberian Curse).

Единственно возможный путь развития Дальнего Востока – это усиление ведущей роли государства (федерального правительства) и повышение

привлекательности Дальнего Востока для людей и капитала посредством разработки и внедрения новаторских подходов, используемых государственными учреждениями, и их качественного вклада в процесс развития. По ходу этого процесса следует также создавать возможности для малых и средних предприятий. Когда эти предприятия успешно пройдут начальную стадию развития, они смогут придать новую динамику экономическому росту региона. Другими словами, России необходимо найти баланс между усилением роли государства и сохранением жизнеспособности рынка. В этой связи совместные усилия Китая и России позволят достичь нового исторического прорыва на этом «последнем рубеже» – последней целине на планете, которая ожидает освоения.

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

 t.me/valdaiclub

 [ValdaiClub](#)

 [valdaiclubcom](#)

valdai@valdaiclub.com